

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Подлинскаго.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ИЗЪ КНИГЪ

ГРАФИНИ

АННЫ СЕРГѢВНЫ

ШЕРЕМЕТЕВОЙ.



№ 588. шк. IV п. 7

ПОВѢСТИ

И

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Подолнскаго.

~~~~~  
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.  
~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СМЕРДИНА, И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

—
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чшобы по оппечатааніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Одесса,
Марта 28 дня 1856 года.

Ценсоръ В. Пахманъ.

~~~~~  
*Изданіе Кіевскаго книгопродавца С. П. Литова.*  
~~~~~

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бывають часы, бывають ночи, въ которые полнота груди и головы душитъ, когда откровенность необходима какъ воздухъ, когда волею или неволею долженъ бываешь отдать тайны сердца и ума участію дружбы, сбросить ихъ на вѣтеръ или на бумагу.

А. Марлинскій

6.

ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ

ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ
 ЭТО ПУКЛЮ, СЛЕДИТЕ ЗА ТОМ
 ЧТОБЫ НЕ ПРОПУСТИТЬ НИ
 ОДНОГО СЛОВА ИЛИ ПУКЛЮ
 В ЭТОМ ПУКЛЮ СЛЕДИТЕ ЗА
 ТОМ ЧТОБЫ НЕ ПРОПУСТИТЬ
 НИ ОДНОГО СЛОВА ИЛИ ПУКЛЮ

И. И. И. И. И.

Д Ъ В И Ч Ъ - Г О Р А .

ДѢВИЧЬ ГОРА.

Есть курганъ надъ Днѣпромъ,
Теремъ крѣпкій на немъ,
По угламъ злаповерхія башни;
Неподвиженъ и пихъ,
Лѣсъ на ребрахъ крупныхъ,
И вокругъ ни жилища, ни пашни.

Но вечерней порой,
Межъ деревъ надъ рѣкой,
Пробѣгаютъ какія-то пѣни,
То играютъ въ волнахъ,
На сребристыхъ челнахъ,
То качаютъ зеленя сѣни.

И далеко окреспъ ,
При сїяніи звѣздъ ,
Раздаюпся волшебные звуки ,
Про веселье одна
Напѣваетъ струна ,
А другая о горь разлуки. . . .

И въ народъ молва:
Тамъ цвѣшетъ сонъ-права ,
Эпо мѣспо опъ вѣка заклопо ,
Тамъ подъ грудой копей ,
Схоронилъ чародѣй
Нажипое неправдою злопо.

Но изъ княжихъ дружинъ
Богатырь не одинъ
Вызывался на смѣлое дѣло ,
Въ лѣсъ входилъ — и назадъ
Безъ главы и безъ лапъ
Оплывало Дибпромъ его шѣло. . .

И никшо , съ давнихъ поръ ,
На шайнспвенный боръ
Не возводишь безъ пренепа взора ,
Но за вѣру и честь
Вишязь въ Кіевъ ешь ,
Всей дружины любовь и опора !

Онъ прекрасенъ и юнъ ,
Онъ касается спрунъ ,
Какъ пѣвецъ вдохновенный въ Эмладъ ,
И свяшой монастырь
Посѣшилъ богащъръ ,
Но крещенье принялъ въ Царьградъ.

Въ бишвахъ онъ впереди ,
Крещъ злапой на груди ,
(Придаешь онъ воишелю силу)
И средь гибельныхъ съчь ,
Гдѣ блеснеть его мечъ ,
Тамъ заранъ копайше могилу !

Много дѣвъ , много женъ ,
На яву и сквозь сонъ ,
Въ перемахъ о прекрасномъ поскокуютъ ,
Но почпо ихъ любовь ?
Богапырскую кровь
Только думы о славѣ волнуютъ !

Воптъ глядише , одинъ ,
На конъ межъ спремнинъ ,
Надъ рѣкою Днѣпромъ онъ несешся , —
Пыль лепишъ опъ копышъ ,
Дальній берегъ дрожишъ
По разсѣлинамъ гулъ раздаешся . . .

День блѣднѣлъ , день погасъ ,
Эпо вечера часъ ,
И куда жъ богапырь въ эпу пору ?
Чпо до ночи ? до дня ?
Онъ порошишъ коня ,
Подъѣзжая къ волшебному бору .

Но не шуча ль къ нему,
Вся въ огонь и въ дыму,
Вылепашь со свиспомъ на встрѣчу?
Захрапѣлъ его конь,
Но безъ страха въ огонь,
И безъ препеша всадникъ на съчу....

И разсыялся дымъ,
Исполинъ передъ нимъ,
Весь окованъ въ желѣзныя лапы —
Зазвенѣла броня,
Конь, какъ вихрь, на коня —
И шибающа разомъ булапы....

Равень бой, великанъ
Свирѣпѣешь опъ ранъ,
Все сильнѣй и сильнѣй напиралъ,
Вдругъ сіянье окресъ —
Мѣсяць всходишь — и кресъ
На груди озаренной сіяешь...

Что же врагъ? онъ назадъ!
Онъ роняешь булаву,
Ослепленный чудеснымъ сияньемъ,
Съ воплемъ бросился въ лѣсъ,
И во мракъ исчезъ
И опять все объято молчаньемъ.

Побѣдитель впередъ —
Вошь и шеремъ съ высотъ
Забѣлѣлъ между башень зубчатыхъ,
Колья вбиты вокругъ,
И на нихъ рядъ кольчугъ
Да черепы въ шлемахъ косматыхъ...

Вошь вороша, зашворъ
Упадаетъ и во дворъ
Богатырь нашъ въѣзжаетъ широкою;
Все свѣтло при лунѣ,
Но мелькаетъ въ окнѣ
Свѣтъ не лунный изъ башни высокой...

Вошь съ навѣсомъ крыльцо ,
У навѣса кольцо ,
И къ кольцу креспоносецъ подходитъ ,
Чушь коснулся — и звукъ
Раздается вокругъ
Хоръ невидимый пѣсню заводитъ . . .

Все очнулось кругомъ ,
И по шерему громъ ,
Огоньки пробѣгають и пѣни —
Но безъ страха впередъ
Смѣлый випязь идешь ,
Подъ ногой зазвенѣли спупени.

Вошь обширный покой ,
Озаренный луной ,
Вошь съ нимъ рядомъ другая свѣшлица ,
Тихо все, лишь порой
По бокамъ за спиной ,
Появляются спрашныя лица.

Вишязь далѣе — свѣшъ
То забрезжешъ, шо нѣшъ ,
Чушь блеснешъ и исчезнешъ мгновенно, —
Разомъ хлопнула дверь ,
Вишязь къ ней — и пеперь
Онъ въ свѣшлицѣ кругомъ озаренной. . .

Чуденъ , пышенъ уборъ ,
Никогда его взоръ
Не встрѣчалъ сполько перловъ и злаша ,
Тамъ воспочная шкань ,
Тамъ алмазная грань ,
Всѣмъ богашспивомъ свѣшлица богаша.

По срединѣ навѣсъ ,
Цвѣшъ прозрачный небесъ
Оспразился на шкани лазурной ,
Будшо солнце на немъ
Чшо-шо блещешъ огнемъ ,
Всюду свѣшъ разливая пурпурной.

Изумленъ , ослѣпленъ ,
Випязь мыслипъ : по сонъ !
Но невольнo подходипъ къ навѣсу ,
И коснулся слегка
Золошаго снурка ,
И по кольцамъ раздвинулъ завѣсу .

И клубясь передъ нимъ ,
Изъ курильницы дымъ
Арамапомъ повѣялъ — и что же ?
Онъ не вѣдаешъ самъ
Вѣрипъ , нѣпъ ли очамъ —
Подъ навѣсомъ роскошное ложе !

Випязь , випязь ! за чѣмъ
Ты недвижимъ и нѣмъ ?
Твое сердце боязни не знало !
То невѣдомый спрахъ !
Какъ огонь на щекахъ
Разгорѣлось спальное забрало

Какъ созданіе грезъ
Краше лилій и розъ ,
Предъ вишяземъ дѣва младая ,
У ланипъ , у плечей ,
Вьюшся кольца кудрей ,
На лебяжую грудь упадая.

На подушку она
Головой склонена ,
Ей сребриспая дымка покровомъ ,
И подъ дымкою спанъ ,
Какъ цвѣшокъ сквозь шуманъ ,
Обозначенъ на ложъ пуховомъ.

Что жъ молчишь красота?
Неподвижны усна ,
Ей дыханіе груди не кольшептъ. .
Видно спишь — и сквозь сна
И чужаго она
Въ часъ полночи прихода не слышишь! .

Мигъ проходишь — смѣлуй
Випись близися къ ней,
Онъ влюбленъ — онъ не вынесетъ долъ,
И кипишь и горишь,
И опъ жаркихъ ланишь
Онъ забрало опвелъ по неволъ.

И коснулась рука,
Дѣвы спящей слегка,
Чшо жъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ, цѣпенѣетъ?
Сердце дѣвы не бѣетъ —
Грудь красавицы — ледъ!
Опъ прекрасной могилою вѣетъ!

Но не сводишь онъ съ ней
Неподвижныхъ очей,
Все въ ней душу любовью волнуешь,
И чупъ смѣядохнушь,
Онъ прицалъ къ ней на грудь,
Охладымя очи цѣлуешь.

Вдругъ съ груди боевой
Крестъ повисъ золопой
И коснулся онъ персей дѣвицы. . .
И не чудо ли? вновь
Загорѣлась въ ней кровь,
Поднялися густыя рѣсницы.

И помна и блѣдна,
Долго смоприпѣ она,
На младаго пришельца спыдливо,
И лильиною рукой
Свой покровъ голубой
Надвигаетъ на грудь шоропливо.

Но какъ будто опъ сна
Вдругъ воспрянувъ она,
На колыни предъ выпяземъ пала.
«Избавишель, поспой!
«Доверши подвигъ свой,
«Безъ шебя я бы вѣчно спрадала!

«Мнѣ за грѣхъ наведенъ
«Смершннй, пягоспннй сонъ,
«Здѣсь ужасною жизнью жила я!
«Лишь мѣнялись мечпы,
«Средь ночной шемнопы,
«И спрашивѣе одна, чѣмъ другая . . .

«Твой могучій ударъ
«Не разрушилъ бы чаръ,
«Всѣ чары швой креспъ разрушаешъ —
«Ахъ! опдай мнѣ его,
«Мнѣ не жишь безъ него. . .
«Видишь сонъ мой вѣжды смыкаешъ. . .»

Дѣву вдругъ объялъ сонъ;
Богатырь изумлѣнъ,
И доселѣ не вѣришь онъ чуду. —
Вопъ мой креспъ, наконецъ
Восклицаешъ пришлецъ,
Да хранишь онъ прекрасную всюду!

Крестъ снимаешъ , попомъ
На обьяшную сномъ ,
Золотую онъ цѣпь налагаешъ , —
Опъ волшебнаго сна
Вновь очнулася она ,
И веселье во взорахъ блискаетъ . . .

Вдругъ пошухли огни —
Все ушло въ пѣни ,
Раздается по шерему грохотъ ,
То пронзительный звукъ ,
То сщепанье и спукъ ,
То Русалокъ насмѣшливый хохотъ .

Разомъ синимъ огнемъ
Теремъ вспыхнулъ , и громъ
Подъ землей прокапился прикраты ;
Спѣны зыблются , сводъ
И преципъ и падепъ ,
И рассыпались башни зубчатны . . .

Ночь минула, разсвѣшъ. . . .

Что же выпязя нѣшъ ?

Гдѣ же перемъ и башни и спѣны ?

Все исчезло, лишь съ горъ

Смопритъ сумрачный боръ

На плывущее пѣло межъ пѣны. . .

Есть преданье: съ пѣхъ поръ

Топъ шаинспвенный боръ

Обипала опшельница дѣва.

Кпо шо видѣлъ, одна,

Тамъ молилась она,

Надъ рѣкою, подъ сѣнію древа.

Много минуло лѣшъ,

И моельщицы нѣшъ

Сохранили преданье напѣвы,

И курганъ надъ рѣкой

Былъ дѣвичьей горой

Назвапъ въ памяпъ опшельницы-дѣвы.

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

I.

Какъ дневной смолкаешъ шумъ ,
Какъ лазурный сводъ шемнѣешъ ,
Надъ землей незримо вѣешъ
Тихой жизнью Ангелъ думъ! . . .
Въ эту сладоспную пору ,
Какъ въ священной пшчинѣ ,
Предспаешъ природа взору ,
Безмяшежная во снѣ ,
Сспрасни буйное безумье
Далеко бѣжитъ души ,

И шаинспвенно раздумье
Сходишь на сердце въ пиши!
Въ эшо чудное мгновенье
Есть неясная печаль,
Есть неясное спременье, —
Будшо сердце рвешся вдаль,
Будшо хочешъ народнишься
Въ цѣломъ мѣрѣ съ чѣмъ нибудь,
И вдвойнѣ больная грудь
Одиночеспвомъ поминься.

II.

Одинокій госпъ земли
Зришь ли звѣздочки вдали,
Какъ онѣ межъ облаками
Блещушь яркими чешами, —
Иль, задумчивъ, смопришь онѣ,
Какъ, всходя на небосклонъ,
И любви и нѣги полный,
Лобызаешъ мѣсяцъ волны, —

Иль слѣдишь за вѣшеркомъ
Какъ онъ вѣпся надъ цвѣшкомъ,
Какъ въ паинспвенномъ лобзаньѣ
Пѣешь душистое дыханье.
Жизнь ихъ сладостная въ немъ
Не горишь живымъ огнемъ!
Онъ думою опчужденной
Ихъ союза не поймешь:
Для души уединенной
Миръ прекрасный не живешь.

III.

Но когда благословенны,
Вседержавною рукой,
Двѣ души союзъ священный
Заклучають между собой,
Какъ огонь любви согрѣешь
Ихъ волшебной теплотой,
Опкровеніе повѣешь
Вмигъ надъ любящей чешой, —

Тайны пть, что схоронила
Грудь природы глубоко,
Вдохновительная сила
Разрѣшаетъ ей легко.
Въ лоно пламенныхъ объятий
Двухъ любовниковъ какъ братьей
Миръ пріемлешь, — и тогда
Съ ними жизнь его слипа;
Звѣздъ и мѣсяца сіянье,
Шумъ деревъ и говоръ водъ,
И цвѣшовъ благоуханье,
Все имъ голосъ подаетъ,
Все въ нихъ жизнь переливаетъ,
Какъ съ природой ихъ одно
Навсегда соединяетъ
Неразрывное звѣно.

IV.

Подъ навѣсомъ зыбкой сѣни,
Гдѣ цвѣшущія сирени

Наклонились головой,
Надъ дерновою скамьей,
Слышенъ голосъ:

— Чпо, мой милой,
Смопришь въ очи мнѣ уныло?
Чпо мнѣ руку пожалъ шы?

Онъ.

Другъ мой, грусныя мечшы
Взволновали вдругъ мнѣ душу.

Она.

Чпо жъ? скажи!

Онъ.

Зачѣмъ нарушу
Грусною мыслию моею
Сладкій сонъ души швоей?

Она.

Ты печалень: почему же
Мнѣ печальною не бышь?
Радость я дѣлю: кому же
И печаль съ шобой дѣлишь?

Онъ.

Такъ взгляни жъ на эпо море ,
Какъ роскошно на проспоръ
Блещетъ шканью золошой ,
Озаренное луной!
Чшо же , если бъ , перль вселенной ,
Неожиданно , мгновенно ,
Мѣсяць на небъ попухъ ,
И упалъ на волны вдругъ
Мракъ несходный и угрюмой ?

Она.

Ошъ чего же эпой думой
Ты глубоко пораженъ ? . . .

Онъ.

Ею былъ перенесенъ
Я къ другой мечпъ мяшежной.
Я шебя, мой ангелъ нѣжный ,
Съ эшимъ мѣсяцемъ сравнилъ ,
Чшобъ мнѣ мѣръ прекрасный былъ.
Если бъ снова я душою

Въ немъ оспался сиротою,
Если бѣ (спрашна мячпа!)
Эши очи и успа.....

Она.

Чшо жъ печалипся, мой милой?
Жизнь вѣрна и за могилой.
Не равно ли, здѣсь иль памѣ?
Лишь бы живъ не розно намъ!

Онъ.

Вѣрю, вѣрю упованью!
Но за гробъ однимъ пушемъ,
Къ замогильному свиданью,
Все жъ не вмѣстѣ мы пойдѣмъ.
Молодъ я, во цвѣтѣ силы:
Мнѣ далеко до могилы!
Ты же жизнiю цвѣпокъ;
Юныхъ дней швоихъ попокъ
Унесешъ одно спраданье,
Какъ уносишъ вѣшерокъ
Жизнь цвѣпка благоуханье.

О, коль эпо испыпанье
Суждено мнѣ въ цвѣшѣ лѣшѣ,
Я, клянусь, шебѣ во слѣдѣ
Землю груспную оспавлю
И, свободною душой,
Гдѣ бѣ пы ни была, направлю
Мой полешѣ я за побой! —

Онѣ замолкѣ; она молчала,
Но къ груди его припала
Чернокудрой головой,
И, храня слѣды печали,
Очи шихія сіяли
Умиленною слезой.

У.

Есть предчувствіе; я вѣрю
Невозвратную потерю
Въ насъ душа предузнаетъ:
Вопш сиренѣ еще цвѣшешѣ,

Надъ скамьей уединенной, —
Что жъ пропою пошанной,
Въ часъ, какъ ночи пѣнь падешъ,
Къ ней никшо уже нейдешъ?

Не придешъ опяшь младая
Намъ знакомая чеша!

Въ зломъ недугъ угасая,
Вопъ на ложъ смерши ша,
Чьи давно ль во мракъ ночи
Пламенъли нѣгой очи,
А шеперь при блескъ дня
Будшо звѣзды безъ огня;
Вопъ и онъ, другъ сердца милый,
Неподвижный и унылый,
На колѣнахъ у одра:
Онъ слѣдишъ, какъ жизнь въ ней вянешъ,
Но не вѣришъ, что наспанешъ
Сердцу спрашная пора!

Не спасла любовь. О вѣра!

Мукъ земныхъ свершилась мѣра;

Сна могильнаго крыло

Освѣняетъ ей чело.

И на долгую разлуку

Холодьющую руку

Другу подала она:

Жизни дрогнула спруна, —

И душа, подобно звуку,

На невидимыхъ крылахъ,

Упонула въ небесахъ.

Есть предѣлы упованьямъ!

Вопшь съ опчаяннымъ рыданьемъ

Онъ падаетъ у хладныхъ ногъ,

Вдругъ у ногъ пахнулъ одеждой

Перелешный въперокъ:

Вспыхнулъ юноша надеждой;

Къ ней! зовешъ. . . . Обманъ жеспокъ!

Безопвѣшенъ зовъ бесплодный,

Неподвиженъ шрупъ холодный,

Очи, перси и успа
Все замолкло навсегда.

И безумноспрашнымъ взоромъ
Обращился онъ съ укоромъ
Къ опдаленнымъ небесамъ;
Но свѣшло все было памъ.
Синева небесъ сіяла;
Божьихъ Ангеловъ семья
Хоромъ въ рай сопровождала
Душу чистую ея.

VI.

Выпалъ жребій неизбежный!
И любовникъ молодой
Кляпвы спрашной, кляпвы нѣжной
Сохранилъ объщъ свяшой.
Міръ безлюдной, міръ печальной
Для него пуспыней спалъ;

Тамъ, въ лазури, ясной, дальней,
Миръ иной спрадальца звалъ.

И пришелъ онъ вновь подъ сѣни,
Гдѣ душистый сирени
Наклонились головой
Надъ дерновою скамьей;
Но ужъ сердце въ немъ хладѣло:
Кляпву онъ свершилъ свою, —
И безчувственное шѣло
Тихо пало на скамью.

УП.

Какъ изъ храма паръ душистый,
Какъ молитвы голосъ чистый,
Окрыленна и вольна,
Новой жизнью полна,
Сумракъ ночи разсѣкая,
Понеслась душа младая, —
И предъ нею все ярчѣй

Звѣзды вдоль небесъ блискали
И къ желанной цѣли ей
Ясно путь обозначали.
И прекрасная заря,
Блескомъ розовымъ горя,
Вдалекъ передъ ней сіяла, —
Будто солнце въ легионъ
Слишый вмѣспѣ, озаряла
Опдаленный небосклонъ.
«Вижу, вижу край желанный,
«Край любви обѣщанный,
«И заранъ узнаю:
«Тамъ найду любовь мою!»
Вдругъ невидимая сила
Крыль полетъ оспановила.
И опшуда, гдѣ свѣшло
Небо розами цвѣло,
Что-то шихо опдѣлилось
Искрой ярко - золопой;

И надъ пѣнью молодой
Свѣшлымъ облакомъ спустилось.

VIII.

Разошелся дымъ злапой;
И сквозь паръ душистый дыма
Блещетъ образъ Серафима
Злапокудрый и молодой.
«Тынь пресступная, куда ты!
Рая въ свѣшлыя палашы
Не доспигнешь ты къ врапамъ;
Ты не Бога любишь шамъ,
Но любовь свою земную
Перносишь въ жизнь иную, —
И на казнь обречена
Эта паяжкая вина!
Между небомъ и землею
Осужденъ ты жить душою;
Ты съ земли оппоргъ себя, —
Рай чуждается шебя!»

IX.

Опчужденною душою
Въ цѣломъ міръ сирота,
Между небомъ и землею
Онъ живешь; идушь льща, —
И неразъ ему случалось,
Въ хоръ Ангеловъ сдавалось,
Милый голосъ слышалъ онъ.....
О, какъ сильно эпошъ звонъ
И мучительнымъ желаньемъ,
И шоской, и упованьемъ
Душу бѣдную смущалъ!
Крылы вновь онъ развивалъ,
Но невидимыя силы
Оспанавливали крылы,
И на грустный край земли
Безпощадныя влекли.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Кто бросился въ Волховъ съ крутыхъ береговъ?

Въ рѣкѣ за клубилася пѣна ,

Въ рѣкѣ зазвенѣло... не звонъ ли оковъ?

На вѣрное бѣглый изъ плѣна!

Нѣтъ, бѣглый не будешь съ мечемъ и въ бронь ,

У плѣнника збруи не спало!

То кто-то изъ нашихъ плывешь на конѣ...

Зачѣмъ же надвинулъ забрало?

Онъ крѣпокъ, онъ молодъ, онъ волны съчешъ

Съ прямой богатырской опвагой,

И конь его сильный отважно плывешь,

И брызжетъ кипящею влагой;

Ужъ поздно—и шуча легла какъ свинецъ,
По Волхову въсперъ гуляешь,
Откликнулся воронъ, — шоропился пловецъ —
Не доброе воронъ вѣщаетъ!

Вопъ конь погрузился, тяжель плыветъ —
Но берегъ другой не далеко,
Храпипъ и дрожипъ онъ, и разомъ изъ водъ
На берегъ взлещаетъ высокой. . .

Вдыхая вольнѣ, онъ буйно заржалъ,
Взмахнулъ онъ космашою гривой,
И бодрый какъ прежде по кочкамъ помчалъ
Съдока удалаго репиво.

Къ недалъному бору подѣхалъ ѣздокъ,
Окрестъ все и темно и глухо,
Порою болошнй блещетъ огонѣкъ,
По ничпо не доходипъ до слуха.

Чѣмъ далъ, все гуще и сумрачнѣй боръ,
Нависнули сосны да ели,

Какъ видно не съкъ ихъ безщадный попоръ,
И люди ихъ шронуть не смѣли.

Конь плжко спупаетъ, нѣтъ болѣе силъ,
Дрожатъ подгибаясь колѣна,
Вошь спалъ онъ упрямо и каплетъ съ удилъ
И кровь и багровая пѣна...

На землю спунилъ по неволѣ съдокъ,
Коня онъ ведетъ за собою,
Но пущъ ему пруденъ, все пни и песокъ,
Да иглы хруспятъ подъ ногою.

Вдругъ въперъ ударилъ и облакомъ дымъ
И свѣтъ разливающа всюду,
Послышался голось: «куда ты, Вадимъ?»
Къ добру ты пришелъ или къ худу?»

Иду я совѣща искашь у Волхва,
Пришелець опвѣпствуешь смѣло,
Проникъ онъ всѣ пайны, въщаетъ молва,
Такъ самъ угадаетъ: въ чемъ дѣло?

Сказалъ онъ и въсперъ зашихнулъ , и въ мигъ
Разсѣялось облако дыма ,
И шихо подходишь спольшнй спарикъ
И взоромъ пышаешь Вадима . . .

Разсвѣчена злапомъ одежда на немъ ,
Брада серебришся какъ иней ,
Главу жъ осѣняешь лепучимъ вѣнцемъ
Огонекъ по румяный , по синй .

«Вадимъ ! ты узнаешь , всевѣдуць ли я
«И щичешно ль мнѣ вѣряшь народы ,
«Покорень мнѣ воздухъ , покорна земля ,
«Проникъ и въ огонь я и въ воды .

«Что прежде сбылося , что будешь впередъ ,
«Все знаю въ пуспынѣ безлюдной ,
«О чемъ ты замыслилъ и что тебя ждешь
Провѣдашь , увидишь , не шрудно .»

И шепчешъ гадашель и кругъ очерпя ,
Медвѣжьей махнулъ рукавицей ,

И пшицы опвсюду, шума и свиспя,
Слепаюшя бурной спаницей.

Теперь все гошово, промолвилъ спарикъ,
Всю правду намъ выскажущъ пшицы,
Тебъ же поняшенъ ихъ будешъ языкъ,
Пока не шагнешъ за границы.

И вишязь вспунаешъ въ шаинспвенный кругъ,
Ему, какъ бы спало спрашнѣе,
Онъ ждешъ предвѣщанья; волнуешя духъ,
И сердце забилося сильнѣе:

СОКОЛЬ.

Коршунъ хищный плавнымъ кругомъ
Такъ высоко не лешай,
Дай намъ вспрѣшнисья другъ съ другомъ,
Силь со мною попышай!
На шебя ширококрылой
Я ударю всею силой,
И по въпру я вокругъ

Размечу швой сѣрый пухъ ;
А не по, во мракѣ ночи ,
Если сномъ смѣжишь шы очи ,
Неожиданный паду,
Гдѣ бѣ шы ни былъ, я найду!

СОВА.

Нѣшь! и въ сумракѣ ночей
Ты подѣ власпію моею ,
Соколъ , ночью всюду я
За побой какъ пѣнь швоя ,
Ты опѣ взора моего
Не укроешь ничего ;
Ночью все подвласпно мнѣ ,
Будь швой недругъ хошь во снѣ ,
Пробужу я вмигъ его
До прихода швоего. . .

ВОРОНЪ.

Чья мнѣ слышился кровь?
Гдѣ-то двое враговъ!

А! коршунъ и соколъ сшибаюцца вдругъ,
По воздуху вьеса разбросанный пухъ. . .

Жарокъ бой въ вышинъ,
Кпо жъ доспанешся мнѣ?

Вошъ ударилъ одинъ, вошъ ударилъ другой,

Взвиваешся коршунъ и конченъ ихъ бой,

Соколъ, соколъ, швою
Кровь я досыпа пью!

Умолкнули шпицы — исчезнулъ спарикъ,

Вполнѣ свершилось гаданье,

Но вишязь безмолвенъ, главою поникъ,

Не въ радость ему предсказанье!

Вошъ упро блеснуло, конь весело ржешъ,

Но вишязь не внимешъ и шуму,

Вадиму печаленъ и солнца всходъ —

Онъ крѣпкую думаешъ думу. . . .

Г У Р І Я.

ГУРІЯ.

«Не ходи на поле бишвы,
Не почи свой япагань!
Не спасунть шебя молишвы
Въ шучь спрѣль опъ ѣдкихъ ранъ.
Милый другъ, шамъ за Пророка
Долы цѣлые въ крови:
Не ходи жъ на встрѣчу рока,
Осуши слезу любви!»

Дѣвъ спраспной и покорной
Воинъ-юноша внималъ,
И въ раздумьѣ локонъ черной
Ей свивалъ и развивалъ:
Ч. II.

Попухаетъ жажда брани ,
Въ сердце крадется печаль , —
И скользитъ изъ жаркой длани
Недопоченная спаль.

Вошь и вечеръ ризой шемной
На сады, на волны, палъ ;
Дѣвы милой, дѣвы помной
Грустный другъ не покидалъ ;
Ихъ заспалъ и часъ полночи
Съ грудью грудь ; — горятъ уста, —
И смыкаетъ сладко очи
Упоменная чепа.

Но , какъ съ неба голубаго
Сходитъ сонъ ночныхъ свѣшилъ ,
Очи война младаго
Сонъ волшебный посѣшилъ :
Снилось, кшо-шо въ моръ злапа
Пролетѣлъ , и вдругъ исчезъ ;

По съ восхода до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ;

И въ сіяньи сходишъ дѣва:
Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
Вѣпвь божеспвеннаго древа,
И фіяль въ ея рукѣ.
Спанъ въ дыму прозрачной пкани,
Бѣль, какъ снѣгъ на пемѣ горъ;
Грудь какъ волны, очи лани,
Но упрекомъ блещешъ взоръ.

Воинъ медленно подѣмлетъ
Полусонную главу.
Пробудился онъ иль дремлетъ, —
Онъ не помнишъ; на яву
Передъ нимъ все ша же дѣва,
Топъ же блескъ со всѣхъ споронъ;
И, какъ спройный звукъ напѣва,
Голосъ дѣвы слышитъ онъ:

« Не спрашись. Я дѣва рая,
Я, на легкихъ крыльяхъ сна,
Изъ надсолнечнаго края
Въ здѣшній міръ занесена.
Въ звѣздномъ хорѣ одиноко
Я полетѣ свершаю мой,
И поклонника Пророка
Жажду спраспною душой.

« Какъ недвижныя свѣпила
Въчень блескъ красы моей:
Время, горе и могила
Трапящъ власпъ свою надъ ней;
Опѣ монхъ лобзаній шаепъ
Сердце въ пламени любви,
И угасшій воскресаепъ
Огнь желанія въ крови.

« Но того съ двойной любовью
Примепъ Гурія на грудь,

Кпо въ бояхъ своею кровью
Освяпилъ пророка пушь.
О, покинь , кого пы любишь !
Спань подъ знаменемъ свяпымъ !
Ты небесное погубишь
Наслажденіемъ земнымъ !»

Смолкла. Ризой серебряной
Обвилась, и вся въ лучахъ ,
Какъ алая паръ душистой,
Дѣва понешъ въ небесахъ ;
И за ней палящимъ взоромъ
Воинъ вслѣдъ ; душа полна
Сспраспью новой, и укоромъ
Грудь порою спѣснена :

На подругу взводишь очи, —
Но не къ ней любви огонь !
Онъ вспаешъ. Подъ кровомъ ночи
Тихо выведенъ имъ конь.

За плечами лукъ и стрѣлы,
Япаганъ за кушакомъ.
И понесся воинъ смѣлый
На свиданіе съ врагомъ.

День зажегъ края воспока, —
Прыпче конь, — и скоро онъ
Подъ знаменами Пророка
Ѣздокомъ оспановленъ.
Мигъ вздохнулъ, и вновь лешучій
Въ бой помчался съ сѣдокомъ.
И, какъ въ бурю шуча съ шучей,
Воинъ встрѣтился съ врагомъ. —

Вдругъ ударъ! Облипый кровью
Онъ падешъ на груди шѣль.
Смерть надъ нимъ; но къ изголовью
Кло-по свѣпый подлешѣль.
Онъ взглянулъ: по дѣва рая!

Все въ ней блескъ и красота :
И загляся умирая ,
И прильнули къ ней уста.....

Д У М А.

ДУМА.

I.

Воля, сила и опвага
Въ голубыхъ волнахъ ,Днѣспра ,
Съ шумомъ пушь свой рѣжетъ влага
Своенравна и быспра.
Бѣгъ ея обозначаая,
Бессарабія шепная
Справа шянешя; кругомъ,
На раздолыи голубомъ ,
Нѣшъ далеко пыльныхъ, душныхъ
Многочюдныхъ городовъ ,
Только бѣгъ гонцовъ воздушныхъ

Перелешныхъ облаковъ,
Только солнце золотое,
Небо звѣдно - голубое,
Да янпарный ликъ луны
На Днѣспрѣ отражены!
Край окресный, край пуспынный!
Холмы идушъ цѣпью длинной,
Къ волнамъ кой - гдѣ сходишъ садъ,
Защищенъ опъ бурь и зноя,
И крупные скапы края,
Зелень, въешся виноградъ.
Да съ границъ спраны опальной
Возвышая легкій росшъ,
Тѣню спройно - колоссальной
Тополь на берегъ недалной
Перекинулъ зыбкій мосшъ,
Будпо, спранникъ поропливой,
Онъ въ Подоліи счаспливой,
По спеклянному пупи,
Самъ хошѣль бы перейпи!

II.

Чья жь пѣнь разоспалась на Днѣспрѣ голубой,
Не шучу ли буря наводишь?
Нѣтъ! шучи мрачнѣе, сяжелой спопой
Твердыня съ холма къ нему сходишь.

Вошь замокъ и башни, пущыни гроза,
Вдоль гребнемъ зубчатыхъ спѣны —
Ихъ пѣнь опымаешь у волнь небеса,
И блескъ у серебряной пѣны!

Съ крушаго разбѣга сердито рѣка
Подножье кремнистое роетъ,
Но въ щещныхъ усиляхъ проходящъ вѣка,
Волна великана не смоешь!

Какъ юноша буйный, былъ спрашенъ Хопинъ
Подолн въ прежнїя лѣта,
Пока бунчуки развѣвались съ вершинъ
И мѣсяць сіялъ съ минарета;

Онъ твердою грудью встрѣчалъ Поляковъ,
И часно кровавые струи
Со спѣнь осажденныхъ, съ крушизны холмовъ,
Капились въ рѣчные успуны!

Но Русское знамя могучимъ орломъ
Взвилось въ Заднѣспровской равнинѣ,
Хошинъ не заспорилъ съ неровнымъ врагомъ —
И крестъ возсіялъ на пвердынь!

Съ развалинь мечеши воздвигнулся храмъ,
И скоро, на звонъ колокольный,
Съ окреспной равнины, безъ спраха, къ спѣнамъ
Сойдешся народъ богомольный...

Но Русскаго недругъ бѣги Хошина!
Онъ миренъ — но прежнія силы
Въ себѣ зашайла съдая спѣна,
Дохнешъ — и посьешъ могилы!

III.

У спѣвъ обрушенныхъ, набѣгомъ волнъ подрывныхъ,

Грозой военною иль временемъ разбишихъ ;

Раздумьемъ прихожу развлечь мою поску ;

Къ обломку мшистому приникнувъ головою ,

Слѣжу, какъ быспрый Днѣспрь , по желшому.
песку,

Лазурно освѣщенъ вечерней синевою ,

Въ живыхъ извилинахъ спруишся предо мною...

Какъ шихо и свѣжо ! Весеніе цвѣшны

Съ равнинъ Подоліи душистымъ паромъ вѣюшъ, —

О если бѣ кто другой , въ комъ ешъ еще мечшы ,

Въ комъ славы помыслы живое сердце грѣюшъ ,

Сюда принесъ , какъ я , свой шворческій досугъ ,

Здѣсь вдохновился бѣ онъ , какъ чародѣй , какъ

Духъ ,

Воображеніе крылами расшпряя ,

И опъ земли себя забвеньемъ опрѣша ,

Отсюда безъ преградъ свободная душа
Далече бѣ унеслась какъ Пери молодая,
И, какъ рубежъ степей и звѣздный небосклонъ,
Двѣ жизни бѣ въ немъ слились въ одинъ согла-
снѣй сонъ!

IV.

Что же свелъ шкормою пѣсною
Степи вольныя вокругъ,
И надъ ними даль небесную
Сдвинулъ въ близкій полукругъ?

Не темничною ль оградою
Воздухъ сжапъ вокругъ меня,
Что ни волей, ни прохладою
Не вздохну прешорно я!...

То не чары, не заклятія,
Небо сдвинули и степь,
Но пѣсняпъ меня объяпія
Чьи-то тяжкія какъ цѣпь!

Тайный недругъ обладаемъ
Жизни немоцной моей,
Онъ слѣдишь за мной предаемъ
Въ самомъ сумракъ ночей —
И незримаго присутствіе
Сердцемъ сжашымъ познаю,
Льешь онъ хладное безчувствіе
Въ душу грусную мою,
Онъ любви и вдохновенія
Развѣваешь дымомъ сны,
Съ нимъ и слезы умиленія
Какъ ребячество смѣшны!...
Мысль опрадную, случайную
Если въ сердце запаю,
Ясновидецъ, думу пайную
Проникаешь онъ мою,
И зародышъ наслажденія
Умерщвляетъ злобный духъ,

Какъ младенца до рожденія
Въ лонѣ мащери недугъ! . . .

V.

Но кто же онъ, сей хладный возмушитель,
Спокойствія сердечнаго въ пищи?
Не человекъ, не демонъ соблазнитель,
Но собственнoй изчадіе души!
Когда по ней рушительной грозою
Кровавыя спраданія прошлі,
На алтарь цвѣты мои пожгли,
И огонь попухъ, безъ пищи, самъ собою —
Во глубинѣ сгустившаяся мгла,
Мнѣ голосъ свой могильный подаде, —
Какъ филина нагѣвъ среди развалинъ,
Глухой опзывъ мучительно - печаленъ,
Но пощъ, кому внимаешь я осужденъ,
Безъ образа и безъ названья онъ! . . .

VI.

И, подавленъ сей власпью роковою ,
Въ природѣ всей уединенъ душою ,
На небеса, на волны, на цвѣшпы
Бросаю взглядъ холодный, упомленный ,
Какъ бы глядѣлъ любовникъ пресыщенный
На прелести докучной красоты ,
Которыя такъ пламенно, бывало ,
Пока еще шайлися онѣ ,
И на яву и въ сладоспращномъ снѣ
Воображеніе кипящее ласкало. . . .

Вопль ужъ вспыхнулъ темный сводъ
Искромешными звѣздами,
И, не споря съ берегами ,
Днѣспръ у ногъ моихъ печешъ ;
И къ спруямъ его сбѣгая ,
Вдоль цвѣшами убрана ,
Будшо дѣва молодая ,

Мнѣ Подолія видна ;
Но неясную кручину
Сердце кроешъ въ глубинѣ ,
Будшо въ шягосшъ видѣшъ мнѣ
Вдоль развишую каршину ,
Свъшлой , мирной красомой
Несогласную съ душой !

VII.

Но чу ! я слышу , въ роцѣ дальшой ,
Зовешъ подругу соловей ,
О чшо жъ сбилось въ груди моей ,
Такъ долго хладной и печальной ?
Ужель на пѣсню соловья
Опозвалась душа моя !
О помню , помню звуки эши ,
И вы ихъ помнише ль , друзья ,
Еще погда мы были дѣши ,
Ихъ вмѣспѣ съ вами слушалъ я .
Тѣхъ дней младенчешва безпечныхъ ,

Игривыхъ, свѣпныхъ, быспропечныхъ,
Какъ будто снова предо мной
Веселый, шумный ожилъ рой.

VIII.

Другіе дни шуманною чредою,
Въ воспоминаніи за ними идушь вслѣдъ,
Тѣ дни, когда любимую мечшою,
Надеждою и цѣлью былъ — поэшь,
Какъ много разъ въ прохладный мракъ долины
Я приходилъ на голосъ соловьиный,
И, въ шворческомъ какомъ-шо полуснѣ,
Тамъ, одинокъ, блаженшвовалъ вполнѣ.

Тогда еще Эдемъ воображенья
Божешвенной былъ полонъ чисшопы,
Не груспныя въ немъ жили привидѣнья,
Но Гурии прекрасныя — мечшы!
Онъ меня предашельски ласкали,
И ихъ рѣчей ловилъ я жадно звонъ,

Волшебницы на душу накликали
Плѣнипельный о будущности сонъ...

Я вѣрилъ имъ, я жаркими руками
Воспорженно цѣвницу обнималъ,
Хопя еще подъ слабыми перспами
Неспройный звукъ на струнахъ трепепалъ. —
Но сладко жилъ я въ гордомъ упованьи,
Пока еще предчувствовашь не могъ,
Что самъ себя на вольное спраданье
Младенчески - довѣрчивъ я обрекъ!...

IX.

Но чѣмъ еще вѣюшъ знакомые звуки,
Что жгучая къ сердцу прихлынула кровь?
Въ немъ спрахъ и надежда, и радость и муки,
Былое волненье, былая любовь!
Не снова ль блеснули подъ ризою ночи
Любовью и нѣгой прекрасныя очи,
Не вѣюшъ ли кудри душистыхъ влосовъ,

Не слышился ль шорохъ знакомыхъ шаговъ?
Чшо медлишь, приди же, присядь къ изголовью,
Храни шелемъ-духомъ по прежнему будь,
И нѣжною лаской и шихой любовью
Недугъ мой испоргни, согрѣй мою грудь!

Х.

Разомъ смолкнулъ соловей,
Гдѣ же призраки, гдѣ грезы,
И зачѣмъ блеснули слезы
Умиленья изъ очей?
Я ищу моихъ видѣній,
Но въ волнахъ вечерней пѣны
Упонула даль равнинъ,
Тихо!... пусто!... я одна!....

Тяжко слово роковое
Въ глубину души падеть,
Но, какъ гробъ, ояшь въ покоѣ,
Грудь опѣша не даешь;

Такъ скалы чело съдое
Какъ гроза его сорвешъ ,
Черезъ гранишныя спупени
Въ бездну падаешъ , гдѣ волнѣ
Безъ сiянья и безъ шѣни
Крушояръ гнiющихъ полнѣ , —
Гуль кремнишаго обрыва
Глухо вшорипшѣ глубина ,
Но обломки безъ опзыва
Примешѣ мертвая волна !

С И Р О Т К А .

СИРОТКА.

МАЛЬЧИКЪ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ спало поздно; все шемнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ спрашно здѣсь

ПОСЕЛЯНКА.

Господь съ побой!

МАЛЬЧИКЪ.

Кругомъ кладбище; по долинь
Однѣ могилы да кресны

ПОСЕЛЯНКА.

Вошь храмъ Господень посрединѣ.
Перекрестись Ну, что же ты?

МАЛЬЧИКЪ (*жмется къ ней*).

Пошише! Видишь ли, родная,
Вонъ чпо-шо черное вспаешъ?.....
Все пуще спрахъ меня берешъ.
Мершвецъ!.....

ПОСЕЛЯНКА (*оглядывается*).

Гдѣ? Троица свяшая,
Помилуй насъ!.... Пойдемъ. Ахъ, нѣшъ,
Ты испугалъ меня, мой свѣшъ!
Навѣрное сиропка наша
Зашла сюда. И впрямъ!

(*Подходятъ къ двушкѣ, сидящей на могилѣ*).

Параша!

ДѢВУШКА.

Кшо звалъ меня? Мой бранъ, не шы ли
Услышалъ плачъ мой и въ могилѣ?...
Нѣшъ, не дождусь опвѣша я!
Нажала грудь его земля! (*плачетъ*).

ПОСЕЛЯНКА.

Дитя мое!

ДѢВУШКА (*расподушино*).

Кшо здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Ужели

Узнашь не можешь ты меня?

ДѢВУШКА.

Ахъ , эшо ты! Узнала я.

ПОСЕЛЯНКА.

Чу! слышишь , пѣсужи пропѣли.

Вѣдь эшо полночь! Спать пора.

Пойдемъ; пробудь хопь до упра

У насъ въ избѣ.

ДѢВУШКА.

Зачѣмъ опсюда?

Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.

Идише съ Богомъ по домамъ;
Госпишь здѣсь не у кого вамъ.

ПОСЕЛЯНКА (*горестно*).

А шы въ госпяхъ?

ДѢВУШКА.

Я здѣсь у брапа.

Со мною онъ! Одна опрада
Надъ нимъ проплакашь день и ночь.....

ПОСЕЛЯНКА.

Слезами горю не помочь.
Послушай.

ДѢВУШКА (*задумливо*).

Въ ушреннемъ шуманъ,
Нарву цвѣшовъ ему заранъ,
И канешъ, прежде чѣмъ роса,
Къ нему на грудь моя слеза.....

ПОСЕЛЯНКА.

Пойдемъ!

(*Отрываетъ ее насильно отъ могилы и уводитъ.*)

И спутница младая

Идешь, сама не понимая,
Куда, зачемъ. Ей всё равно, —
Всё горе на сердце одно!
Пришли въ село; въ избушку вводяшь
Ее по темнымъ ступенямъ,
И вошь покой: лучины шамъ
Горяшь, и свѣшь кругомъ наводяшь.
Очнулась госпя.

ДѢВУШКА.

Гдѣ же я?

ПОСЕЛЯНКА.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.
Садись поближе къ эпой чашѣ.
Ты голодна?

ДѢВУШКА.

Пусси меня!

Мнѣ шажко здѣсь; дышу насилу;

Пусти на брашнину могилу,
Мнѣ легче памѣ, мнѣ лучше памѣ *(блжить къ
дверямъ).*

ПОСЕЛЯНКА.

Напрасно рвешься ты къ дверямъ,
Не опопру. Хопь по неволь
Ты у меня пробудешь долъ.
Дипя! повѣрь мнѣ, ты больна,
И день и ночь не знаешь сна.....
Но вопъ поспель тебѣ гопова.
Ложись.

И болѣе ни слова.

Лучина вмигъ погашена.
Легла сиропка по неволь,
И о своей печальной долъ
Опяпъ задумалась она.
Мечпы смѣшались; какъ ни больно
Ей было на сердць, но сонъ
Смѣжилъ глаза ея невольно,

Хоть не принесъ оспрады онъ , —
И тѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ :
Успя лишь жалобы однѣ ,
Да имя брата лепешали.
И шопъ , кто ей шакъ дорогъ былъ ,
Во снѣ являся говорилъ :
« Сестра , не плачь , не плачь , сестра ,
« По мнѣ опъ ушра до ушра .
« Мнѣ дорогъ даръ швоей любви ,
« Но слезы въ шягоспъ мнѣ швои ;
« Огнемъ онъ шекупъ по мнѣ ,
« И весь горю я какъ въ огнѣ .
« Взгляни на саванъ : видишь , онъ
« Слезами жаркими прожженъ !
« Сестра , въ залогъ своей любви ,
« Ты Бога долъ не гнѣви ;
« Не плачь напрасно надо мной , —
« И сладокъ будешъ мой покой ! »

Она проснулась. Смутный взоръ
Искалъ вокругъ любимой пѣни:
Ея мучительныя пени
Ей въ душу врѣзались. Съ пѣхъ поръ
Она помилась и вздыхала,
Возведши взоръ на небеса,
Но никогда ея слеза
На память брашу не блиспала.

И черезъ годъ она пошла
Опяшь на брашнюю могилу.
Тамъ было тихо; и насилу
Ее узнашь она могла:
По ней узорчашой грядою
Блиспали яркіе цвѣшы,
Да разрослися полосою
Травы заглохшіе кусты;
И безопасно въ ихъ срединѣ,

Въ надеждѣ мира и шепла ,
На льшо гостыя въ шой долинь ,
Гнѣздо малиновка вила.

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ.

ПОЭЗІЯ и ЖИЗНЬ.



Невидимкою слепая
Въ полнонощной пиши,
Чаровница молодая
Не превожь моей души;
Пощади меня, Сильфида,
Я спрашусь любви твоей,
Опомцаешъ Эвменида
Каждый звукъ твоихъ рѣчей!

Нѣтъ! волшебница не внемлетъ, —
Приближается она...
Грудь, я чувствую, объемлетъ
Животворная весна,

Аромашъ во мракъ вьешся,
Арфа въ воздухъ звучишь,
Звонъ роскошно въ душу льепся,
Будно Ангелъ говоришь!

«Снова ль рѣзвою игрою
«Хочешь сердце обманушь,
«Обольспишь меня мечпою,
«Упованіемъ блеснушь?
«Нѣтъ! молю, въ залогъ свиданья
«Вырви слезы изъ груди,
«И хопь жизнь воспоминаья
«Прежде сердцу возвраши!»

Ты... Но жершвенникъ разбишый
Кпо опяшь воспановилъ?
Огнь угасшій, огнь забышый
Мимолешомъ оживилъ?...
Въ ризь пара голубова
Предспоящій міръ бѣжишь,

И доступнымъ раемъ снова
Міръ минувшаго опкрытъ!

Тѣ цвѣты, что рано свяли,
Что безсильною росой,
Тщешно слезы окропляли,
Оживающъ предо мной;
Снова пышны, снова блещущъ,
Вновь, музыка - ароматъ,
Звуки въ лонѣ ихъ шрепещущъ,
Въ звукахъ образы кипящъ.

Кто вы райскія видѣнья
Дѣвы чистой красоты?
Не изъ царства ль вдохновенья
Воплощенныя мечты?
То сквозь сумракъ арфы ваши
Блещущъ солнечнымъ лучемъ,
То рубиновыя чаши
Звѣздъ шрепещущимъ огнемъ. . . .

Долу, дивныя, коснулись,
Блещущъ, вьющся вокругъ меня,
На призывъ ихъ вспрепенулись
Перси полныя огня,
Подъ вліяньемъ вдохновеннымъ
Чашъ и звуковъ и цвѣшовъ,
На преножникъ священномъ
Вновь я жерпшовашъ гошовъ. . . .

Но зачѣмъ огонь блѣднѣешь,
Паръ бѣжишь ошъ алшаря?
Не прохлада ль ушра вѣешь,
Не блеснула ль шамъ заря?
Чьи пронзительные крики
Воздухъ воплемъ пошрясли,
Чшо за пасмурные лики
Появились вдали?

Сквозь послѣдній сумракъ ночи
Узнаю предпечей дня,

Ихъ пронзительные очи
Леденяшъ и жгущъ меня ;
Гаснешъ пламень вдохновенья
Подъ размахомъ хладныхъ крыль ,
И свяшья пѣснопѣнья
Дерзкій хохощъ заглушилъ !

Разомъ смолкнули напѣвы ,
Спахнулъ пиршественный звонъ ,
Прочь испуганныя дѣвы
Разлепающа какъ сонъ —
Тщешно ихъ молю и кличу —
Уповаюшъ въ блескъ дня —
И мучицелямъ въ добычу
Беззащитно преданъ я !

Сдвинушъ вихремъ ядовитымъ
Съ громомъ жершвенникъ мой палъ ,
Звонъ по арфамъ позабытымъ
Разногласный пробѣжалъ ,

И, съ предсмертнымъ содроганьемъ,
Оплетаешъ жизнь спруны,
И язвительнымъ дыханьемъ
Вновь цвѣты поражены.

И — двойникъ неумолимый —
Кпо-по слухъ перзаешъ мой
И насмѣшкой нестерпимой,
И бездушной клеветой;
То замру я ледѣня,
То почувствуюсь въ огнѣ,
Будпо коршунъ Прометей
Разрываетъ сердце мнѣ!

Н Е В Ъ С Т А.

НЕВѢСТА.

Омрачили небо юга
Буря осени и ночь,
На дворѣ мяшель и вьюга,
Опъ жилья далеко прочь
У Днѣпра споишъ избушка,
Въ ней убогая спарушка
Спорожишъ больную дочь.

На раздольи въсперъ шумный
Дико воешъ и свисшишъ,
Дочь проснулась, взоръ безумный
Вспыхнулъ разомъ...

ДОЧЬ.

Кто спучинъ?

Слышишь. . . голосъ?

МАТЬ.

Я не слышу!

Только въперъ ломить крышу

И соломою шумить. . . .

ДОЧЬ.

Кто-то свищеть, что-то скачешъ

Ближе, ближе. . . вопъ запишъ —

Торопись! невѣспа плачешъ,

Торопись мой женихъ!

МАТЬ.

Не пугайся! эшо вьюга

Поспучалася въ окнѣ,

Съ Богомъ! . . . спи

Но жаръ недуга

Мучишь бѣдную; одинъ
Съ нею грезы дни и ночи;
Милый образъ водятъ очи,
Милой рѣчи внемлешь слухъ,
Ждешь его, а онъ. . .

Но вдругъ
Въперъ въ дверь ударилъ съ силой
И съ размаха распворилъ —
«Вошь онъ! вошь! бѣгу, мой милый!»
И, собравъ ошашокъ силъ,
Съ ложка бросилась больная
Въ дверь — и вонъ! Полуживая
Кличешь въ слѣдъ спарушка-мать:
Дочь ушла! и на кровать
Пала, бѣдная, рыдая . . .

Ночь прошла, снѣга легли,
Но въ Днѣпрѣ еще кипѣло,
И безчувственное пѣло
Волны къ берегу несли.
Ч. II.

Трупъ спрадалицы нашли :
И понынѣ видно мѣсто
Двухъ могилъ межъ липъ гусныхъ ,
Тамъ — печальная невѣста,
Рядомъ съ ней — ея женихъ! . . .

НА РАЗВАЛИНАХЪ
ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КИЕВЪ.

Зачѣмъ превожипъ сонъ гробовъ ,
Могилъ священное молчанье ,
И повѣряпъ быпописанье ,
Спряхая съ камней пылъ вѣковъ?
Все та же истина : опъ вѣка
Иной намъ опытъ не опкрылъ ,
Мы видимъ крѣпость Вышнихъ Силъ
И всю ничтожность человѣка!
А время! Кто его сочпешъ?
Оно до насъ существовало ,
Исчезнемъ мы — оно сольешъ
Съ своимъ концомъ свое начало ,
Какъ на границѣ гробовомъ
Змѣя согнушая кольцемъ !

СТРАННИКИ.

Два странника приходящъ въ Римъ:
На каждомъ рубище просное,
И каждый голодомъ помимъ,
Изнемогая въ лѣпнемъ зноѣ.

На перекресткѣ спалъ одинъ
И робко молишъ: ради неба,
Прохожій, будь хрисіанинъ,
Я весь измученъ, я безъ хлѣба!

И взоръ спрадальца выражалъ
Надежду, страхъ и стыдъ и муку,
Но жадно шрепешную руку
Онъ къ подаяню проспиралъ.

Какъ будто чуждъ сей шяжкой доли,
Другой, недвиженъ и угрюмъ,

Споялъ исполненъ важныхъ думъ,
Возведши взоръ на капиполій. . . .

Льба вращались чередой
Въ воображеніи кипящемъ,
Казалось, зрѣлъ онъ въ наспоющемъ
Завѣсть минувшаго свяшой;

И какъ во снѣ, въковъ пучина
Разверзлась съ шумомъ передъ нимъ,
И Римъ могучій, древній Римъ
Блеснулъ въ порфиръ власпелина.

И спранникъ съ жадносью припаль
Къ спопамъ священной шѣни Рима. . .
И кто бъ въ пришельцѣ не узналъ
Въ пошъ мигъ Творца Ерусалима!

ПРОТИВУПОЛОЖНОСТИ.

Люблю тебя: пвой разговоръ ,
Раздумья сладостнаго полный,
Игривъ и чистъ, какъ съ кручи горъ
На долъ скапившися волны;
Твоя краса — весенній цвѣтъ ,
Ему и хладъ и зной опасенъ —
И для тебя пвой полдень ясенъ ,
Какъ для другихъ одинъ разсвѣтъ !
Твой умъ какъ будто съ чувствомъ въ спорѣ ,
Спросишь какъ будто ты чужда , —
Лишь ненарокомъ иногда
Огонь зажжешся въ помномъ взорѣ ,
Но какъ падучая звѣзда
Блеснешъ и гаснешъ И съ тобою
Безпеченъ , свѣтелъ я душою
И будто счастливъ Но когда
Твоя соперница предъ нами ,

Съ воспочной роскошью кудрей,
Съ своими жаркими очами,
Съ огнемъ помишельныхъ рѣчей, —
Ты клонишь голову спыдливо,
При ней едва замѣтна ты;
Какъ слабый отблескъ красоты
Роскошной, гордой и ревнивой...
Такъ мѣсяцъ, свѣплый гостъ ночей,
Съ зарею вспрѣпясь на разсвѣтъ,
Теряетъ блескъ своихъ лучей
И упоаешъ въ чуждомъ свѣтъ!

МЕЛОДІЯ.



I.

Есть чудная арфа, съ колыбели она
До самой могилы играетъ,
Сокрыша глубоко, не видна, но слышна,
Нигдѣ, никогда не смолкаетъ.

II.

Покорспвуютъ спруны волшебнымъ пер-
спамъ;
На пѣсню пѣснь рѣдко находятъ —
Споеетъ лишь про нѣгу и радостъ — а шамъ
Печальную пѣсню заводитъ.

III.

И чаще печаленъ панисшвенный звонъ, —
И спруны слабѣютъ день со дня,

Заушра не будешъ такъ сладоспень онъ,
Такъ полонъ и чистъ, какъ сего дня!

IV.

Но горе шому, кпо со спрахомъ внималъ
Укоромъ звенящя спруны,
Являшъ онъ душу, какъ шѣло кинжалъ
И, слабы — гремяшъ какъ перуны!...

V.

И вѣчное горе шому, кпо средь мукъ,
Смѣжая на вѣкъ свои вѣжды,
Услышишъ зловѣщій, мучительный звукъ,
Не сладкую пѣсню надежды!

VI.

Сей арфѣ естъ имя! о дѣва, приди
Къ любимцу по долгой разлукъ,
Взыграешъ ша арфа въ дрожащей груди —
Узнаешъ сердечные звуки!

VII.

И ты звукамъ сердца внимли, о пѣвецъ,
Проникни ихъ пайну свяпую,
Тогда лишъ безсмерпье накинешъ вѣнецъ
На лиру твою вѣковую!

БЫВАЕТЪ ГРУСТЬ.

Бываетъ грусть неизъяснима,
Она помнитъ и сушитъ грудь —
Та грусть — желанье! имъ палима
Душа не можетъ отдохнуть!
Безперерывно, безпокойно
Шагаютъ смѣлыя мечпы
То на пески пустыни знойной,
То на непающіе льды.
Зачѣмъ? ихъ манитъ призракъ ложный,
Имъ почка видится вдали:
Тамъ — уголь счастья надежный!...
И нытъ сей почки на земли!

Ужели нытъ? ужель напрасно
Воображенье создаетъ
Кумиръ блестящій, но опасной,
А небо счастья не даетъ?

О нѣшь! напрасно ли поскуеешь
Душа помимая въ пиши?
Сей лучший даръ, — онъ сущесшвуеешь
Въ одномъ свяпилицѣ души!
Душа какъ рудникъ; разрабопка
Бышь можеешь пакъ же шяжела;
За шо въ глуби ея находка
Какъ злашо чисное свѣшла!
И шопъ опыщешъ это злашо,
Кшо самъ собой не возгордясъ,
Назвалъ бы горесшной упрашой
Съ людьми распоргнушую связь;
Въ комъ пламень первыхъ впечатлѣннй
Ошъ вихря свѣша не погасъ,
Кшо понялъ право вдохновеннй,
Кшо цѣнишь жизни каждый часъ.
Но между пѣмъ на вспрѣчу рока
Идеешь, священнымъ чувспвомъ пвердъ,
И предъ нагимъ челомъ порока
Сшонпъ рѣшищеленъ и гордъ;

Кпо въ даль, въ безвѣспное, въ чужое
Не распросперъ надеждъ своихъ,
Но полюбя свое земное
Доволенъ въ пажипяхъ родныхъ,
Въ саду цвѣшы съ забошой множишь,
И, какъ дыпя, когда нибудь,
Въ забвеньи сердца въ шайнѣ можешъ,
По розѣ вянущей вздохнуть!

СОНЕТЪ.

Имъ весело; они другъ другу рады,
Средь нихъ лишь я безмолвень и уныль,
И гордо ихъ докучливые взгляды
Молчаніемъ суровымъ опразилъ.

Не въ нихъ искашь участья и оправды:
И я слезу-предапельницу скрылъ,
Но мысло, кошорой нѣтъ преграды,
Я близъ тебѣ, мой добрый Ангель былъ!

О вѣрь, мой другъ, не мысль одну, желалось
И душу всю къ тебѣ перенести,
Чшобъ надъ побой повсюду раздавалось

Печальное, послѣднее проспи!
Чшобъ и швое мнѣ сердце опозвалось,
И грусь по мнѣ легла въ швоей груди!

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТАНСЫ

Н. А. Л.

Когда шумящъ и блещущъ знамена,
Дружина ждещъ начала грозной битвы,
Безмолвіемъ торжественнымъ полна,
И пайныя свершающя молитвы:
Будь смѣль и швердъ подъ знаменемъ креста,
Воспламененъ надеждою и славой;
Иди, мой другъ, иди на пиръ кровавой!
Мнѣ за тебя порукой — правоша!

Впередъ! впередъ! безъ страха и сомнѣнья!
Твой жребій, вѣрь, заранѣе рѣшенъ
И вписанъ онъ рукою Провидѣнья
На харшіи священной временъ.
При свистѣ пуль недвижимъ и спокоенъ,
Надъ грудой пѣль и брашій и враговъ,

Не забывай, ты гражданинъ и воинъ,
Ты грудью спалъ за честь и край опцевъ.

Когда жъ падешь поборникъ Магомета,
Покорсшвуя двуглавному орлу,
Разсѣешь лучъ Евангельскаго свѣща
Невѣрія прельстительную мглу,
Тогда опяшь и съ миромъ и съ любовью
Привѣпсшвуй ты родимую спрану,
Ты ей служилъ опвагою и кровью,
Ты въ ней найдешь въ награду пишину.

КЪ Х. Х. Х.

Вездѣ преслѣдовать гопова
Мечпа ревнивая тебя,
И будшо праздника свяпова
Съ побою встрѣчи жажду я.
Но сердцу въ пягосць встрѣча эпа
Какъ зной помисельнаго льпа!
На очи мнѣ палящій взглядъ
Наводишь ты безъ соспрананья,
И при тебѣ однѣ желанья
Въ груди шрепещущей кипятъ!
Такъ, ночью льшнею, младенца,
Земли роскошной поселенца,
Звѣзда манишь издалека —
Но онъ къ ней шянепся напрасно,
Звѣзды злапой, звѣзды прекрасной
Не досягнешъ его рука!...

О Т В Ъ Т Ъ .

Не говори завидьнъ даръ
И вдохновеніе поэта,
Не вѣченъ въ немъ священный жаръ,
Имъ грудь не часно разогрѣша!
Какъ много дней цвѣшущихъ онъ
Въ бесплодныхъ замыслахъ утратилъ,
И рѣдко вдохновенный сонъ
Его созданія освятилъ.
Въ міръ необъятный, въ міръ иной
Перелеша воображеньемъ,
На міръ существенный, съ презрѣньемъ
Глядишь, какъ жилось не земной
И часно грудь его спрадаешъ:
Не зная радостей земныхъ,
Онъ ихъ надменно отвергаешъ,
А до небесныхъ не достигъ! . . .

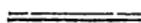
В Е Ч Е Р Ъ .

Мой другъ! прижмись къ моей груди,
Не убѣгай опъ взоровъ упоенныхъ,
И опъ ланишь, любовью распаленныхъ,
Злапые кудри опведи!

Смопри: свѣпило пошухаетъ,
По небу шемному едва перебѣгаешъ
Спаница легкая вечернихъ облаковъ,
И шънь легла на скапъ холмовъ
И шихо все... Теряясь въ наслажденьи,
Я чувспвую, я слышу въ опдаленьи
Созвучье спройное мiровъ...
Но шы недвижна, шы безъ словъ,
Погружена въ унылое мечпанье,
Печально взоръ пошупленъ швой,
И подъ рѣсницею густой
Слезы примѣпно препешанье...
Скажи, мой другъ, воспоминанье

Такъ сильно грудь твою пѣснью ,
Или о будущемъ неясное гаданье
Тебя провожиль и помилъ ?
О не спрашисъ ! убійственнѣмъ сомнѣннѣмъ
Своей души не предавай ,
И, не хладѣя къ наслажденнѣмъ ,
Въ надежду вѣры не перляй !
Быль можеть , (ввѣримся судьбинѣ)
Нашъ день безбурно пробѣжилъ ,
И шакъ же радоспно , какъ нынѣ ,
Нашъ тихій вечеръ догорилъ .

С О Н Е Т Ъ .



Свинцовымъ шуманомъ написнупо море,
Въ дремотѣ безсильной раскинулся валь,
Онъ юношей буйнымъ гулялъ на проспорѣ —
Его, какъ младенца, шуманъ вспеленаль

Подобно шуману безмольное горе,
Когда съ нимъ боролся спрадалецъ успаль,
Топъ гордый спрадалецъ, кто въ медленномъ
спорѣ
Терпѣьемъ и волей судьбу раздражалъ.

Но въшерь развѣялъ шуманъ шемнокрылый,
Свободна, какъ прежде, воздвиглась волна,
И мѣряешъ съ въпромъ опвагу и силы.

Минуешъ и горе — но шяжкаго сна
Слѣды оспающа въ душѣ до могилы,
И мысль прошивъ рока воспашъ не сильна!...



ПОРТРЕТЪ.

Когда спройна и свѣплоока
Передо мной спойпъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри шемнорусы,
Нарядъ небрежный и проспой.
И на груди роскошно бусы
Роскошной зыблюпся порой.
Весны и лѣша сочешанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И пихій звукъ ея рѣчей
Раждаешъ нѣгу и желанье
Въ груди поскующей моей.

МЕЛОДІЯ.

I.

Не брашу копаю могилу,
Не друга земль предаю:
Но чшобы избѣгнушь ушрашы,
Я душу бы опдалъ мою!

II.

О чемъ же въ груди моей слезы?
О чемъ неушѣшна печаль?
Мнѣ въ радость ушраченной вѣры
Въ жизнь вѣры ушраченной жаль.

III.

Коварно волшебницы — грезы
Изъ розъ на насъ цѣпи плешущъ,
Увѣчанъ какъ къ пиру — не къ пиру,
Подъ ножъ эши розы влекущъ!

IV.

За шо, чшо довѣрчиво жизни
Въ обманъ себя сердце даетъ,

За то, что предсвннцъ вѣримъ,
Насъ кара небесная ждетъ.

v.

Насъ опытъ встрѣчаетъ какъ жершву,
Но опытъ не жрецъ, а палачъ —
Съ насмѣшкой онъ почишь съкиру
И щепны молишвы и плачь.

Г Е Н І Й.

Ницъ зависпливое око ,
Прочь коварные силки !
Я далеко , я высоко ,
Крылы сильны и легки .
Подо мною въперъ спонешъ
Въ безпредѣльности высопъ —
Чья жъ спрѣла меня догонипъ ,
Если полонъ мой полешъ ?
Въ глубь небесную несомый ,
Пуспъ я вспрѣчу вихрь и громы ,
Я вспуплю съ громами въ споръ ,
Я ударю грудью въ пучи ,
И сквозь дымъ , сквозь огнь гремучій —
Вновь прорвуся на проспоръ . . .
И въ разсвѣпъ , какъ все въ шуманъ ,
Какъ земля обьяпа сномъ , —
Вспрѣчусь я одинъ заранъ
Съ первымъ солнечнымъ лучемъ !

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Когда въ пророческомъ видѣннѣ
Гляжу шаинспвенно я вдаль ,
И разсвасешъ вдохновенье
Души заботливой печаль ,
Меня какой-то призракъ манишь ,
Мнѣ слышенъ звучный голосъ музъ ,
И я предвижу: не увянешъ
Скрыпленный дружбою союзъ !
Никпо изъ насъ подъ игомъ рока
Не склонитъ гордаго чела ,
И закоснѣлаго порока
Ни на кого не ляжешъ мгла !
Къ желаньямъ суешнымъ презрѣнье
Въ душѣ свободной зашял ,
Свершимъ мы наше назначенье ,
Высокій подвигъ бышя. —
Какъ струны арфы сладкогласной ,

По вдохновенію пѣвца,
Поюпъ и звонко и согласно:
Такъ наши спройныя сердца
Одной мечпой руководимы,
Объяпмы волею одной,
Ихъ вышній Духъ сковалъ незримо
Какой-то цѣпцю свяпой!...
О вѣрыше, вѣрыше предсказанью, —
Души предчувспвіе оно,
Хопя еще, за чудной пканью,
Очамъ грядущее шемно,
Но я сомнѣнъемъ не разрушу
Надежды радоспной моей:
Мы сохранимъ въ судьбѣ своей
Для чувспвъ высокихъ шу же душу,
И шо же сердце для друзей!

ЦВѢТЫ ЛЮБВИ.

Незнакомою дорогой
Шелъ по колкимъ пернамъ я,
Тихо, пусто и убого
Было все вокругъ меня.

Надо мной ходили пучи —
Вдругъ незримая рука,
Съ высоты на пернѣ колючій,
Уронила два цвѣшка.

Яркой, ушренней рососою
Изъ цвѣшовъ блиспаль одинъ,
Онъ бы лучшей красопою
Былъ роскошнѣйшихъ долинъ,

Если бъ (прелесть неземная)
Онъ въ садахъ Эдема цвѣлъ,

Вѣрно бѣ Ангелъ, жишель рая,
Въ свой вѣнокъ его заплель.

Я споялъ — мой взоръ окованъ
Былъ волшебной красой. —
Что же? долго ль очарованъ
Я и нѣгой и мечпой?

Вѣшеръ свиснулъ — и по волю
Цвѣшь ревниво обхваща,
Онъ занесъ въ глухое поле
Сада пышное дупя!

Спало грушно, — но въ опраду
Мнѣ оставленъ цвѣшь другой,
Онъ красою блещетъ взгляду,
Но не упренней красой

Есть глубокая примѣпа
Преходящаго на немъ,

Грудь его была согрѣта
Лѣта знойнаго огнемъ ,

День еще — и онъ завянетъ ,
И за ушра , съ высошы ,
Перль росы безплодно канешъ
На изсохшіе лиспы !

МЕЛОДІЯ.

I.

Какъ очи изсякнуутьъ, какъ перси изноуютьъ,
Веселые звуки души не наспроуютьъ!
Лепиютьъ, эпиютьъ персей не прогая, звукъ
Какъ духъ — унѣшипель надъ бездною мукъ!
Вы жизнь ему дали, но не дали сплу
Зажечь своей жизнью живую могилу.

II.

Гдѣ жъ шайна искусствва? зачѣмъ не во власпи
Дать звуку порывъ необузданной спраспи,
Чшобъ могъ овладѣть онъ насильно душой,
И, если земной не подастъ ей опрады,
Пусть груснаго плѣна разрушиютьъ преграды,
И душу изпоргнувь, влечеть за собой!...

УТОМЛЕНИЕ.

Нѣшъ полно! сердце воли просить!
Прочь, прочь опъ свѣтской суены!
Успалый спранникъ переноситъ
Во глушь полей свои мечпы.
Есть наслажденія въ пуспынѣ,
Душа разгадывала ихъ,
Но не влекли онѣ донынѣ
Непоспоянныхъ грезъ моихъ;
Къ кумиру свѣтскому прикованъ,
Невѣрнымъ блескомъ очарованъ,
Я ждалъ шакъ много опъ него
И не дождался ничего!

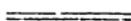
Проси же, призракъ мой! опнынѣ
Ты не уловишь сердца вновь,
Души въ таинственней свяпынѣ
Иная вспыхнула любовь,
Манящъ меня инныя грезы

Туда, въ привольные луга,
Гдѣ кроюшъ ивы да березы
Прозрачной рѣчки берега,
Гдѣ съ мельницъ быспрыми кругами
Клубишъ сребриспый водопадъ,
Гдѣ кони ходяшъ шабунами,
И спадо дѣпи спорожашъ,
Гдѣ вдоль цвѣшы благоухаюшъ,
Скользяшъ по зелени ручьи,
И звучной пѣснью окликаюшъ
Окресшъ другъ друга соловьи. . . . —

Тамъ жизнь роскошно, безъ покровъ,
Предспанешъ въ новомъ цвѣшѣ мнѣ,
И ей бышъ можешъ будешъ снова
Опзывъ въ сердечной глубинѣ,
И можешъ бышъ въ часы, какъ тѣни
Наводяшъ длинно дерева,
Вновь поэпическихъ видѣній
Вскружипся въ вихрѣ голова,
Ч. II.

И благосклонная Сильфида,
Какъ древле дѣва-Аониды,
Разочаруешь струны вновь,
И силой творческой согрѣша,
Въ груди воскреснувшей поэта,
Взыграешь радостная кровь.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.



Узникъ ждетъ конца неволи,
Ждетъ малиновка весны,
Я не жду ни лучшей доли,
Ни весенней пшшны.

Пусть свершаю по немногу
По дорогъ бышя,
День прошелъ, и слава Богу,
Если слезъ не пролилъ я!

Если долгое забвенье
Глухо на душу падеть,
Если въ темномъ опдалены
Тьнь минувшаго блеснеть.

Но когда во мракъ почи
Слышу спраспный разговоръ,

И любовью полны очи
Вспрѣпипѣ мой попухшій взоръ ,

Сердцу душно , сердцу больно ,
Камнемъ нà сердцею попка —
И къ очамъ погда невольно
Подымаеися рука

Пуспѣ же пакъ , какъ волны въ Лепѣ ,
Охладепѣ въ сердцею кровь ,
Чшобъ забылъ я , что на свѣпѣ
Еспѣ и дружба и любовь !

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Въ какомъ недугѣ я поскоую ,
Неизъяснимо для меня:
Въ раздумьи грусномъ шму ночную
Я предпочель свѣшилу дня,
Какъ все окреспъ меня ушихнешъ
Глубокой ночи посреди,
Порой мгновенный пламень вспыхнешъ
Въ моей вспревоженной груди, —
И то, что темной пеленою,
Еще завѣшено отъ глазъ,
Такъ ярко свѣшишь предо мною,
Пока сей пламень не погасъ,
И мнился мнѣ, предъ книгой рока
Въ священномъ спрахѣ я спою,
Или внемлю изъ устъ Пророка
Судьбу грядущую мою.

Ф И Р Д У С И.

Любимый гордымъ власпелиномъ ,
Въ садахъ гарема ходишь онъ ,
Одеждой пышной облаченъ ,
Въ чалмъ , увѣнчанной рубиномъ.
Къ его напѣвамъ клонишь слухъ
Славолюбивый повелитель ,
Гдѣ онъ , тамъ радости въдругъ
Гарема грустная обитель!...

Но день величія бѣжишь ,
Какъ день печальнаго забвенья. —
Пѣвецъ! пѣвецъ! и ты забышь
И носишь его посрамленья!
Пески , пустыни исходишь ,
Влечешь ты дни свои какъ цѣпи ,
И , какъ безжизненные сѣпи ,
Ты спалъ и дикъ и молчаливъ.

Ты жаждалъ смерти — и рыдая
Твой хладный шрупъ обнялъ опецъ,
Но усладила ль пвой конецъ
Слеза учаспія родная? ..
Скажи, пѣвецъ, что слава? — «Дымъ!»
Людей мудрецъ холодный учишь —
Ахъ, нѣтъ! кто славой былъ помимъ,
Безъ славы жизнью наскучишь!

СОНЕТЪ.

Не по тому поминсельнымъ видѣньемъ,
Во снахъ пвоихъ блуждаешъ образъ мой,
Чпо можешъ бышь, съ поскою и волненьемъ
Ты обо мнѣ подумаешъ порой,

Но опъ того, чпо часпо съ напряженьемъ,
Въ ночи безъ сна, къ тебѣ спремлюсь мечпой,
И увлеченъ я весь воображеньемъ
И съ сномъ пвоимъ сливаюся душой.

Просни меня! Невольной, неизбѣжной,
Я предаюся мечпѣ моей вполнѣ,
Я бы хощьлъ, чпобъ призракъ мой мяшежной.

Не говорилъ о милой спаринѣ; —
Но ты проспишь: не ты ль сама пакъ нѣжно
Объ эпихъ снахъ рассказывала мнѣ!...

ЖРЕБІЙ.

Къ чему печальное сомнѣнье?
Загадка жизни рѣшена.
Мнѣ указало Провидѣнье,
Какая участь мнѣ дана!
Любви и славы и свободы
Люблю паинцпвенный призывъ,
И для меня языкъ природы
Обилень и краснорѣчивъ! . . .
Пусть пѣснь моя печель свободно,
Она опгрянешъ и умреть. . . .
Но пѣснь другая оживешъ
Въ душѣ поэта благородной!
Когда жъ пройдетъ мой свѣшлый вѣкъ,
Когда угасну въ цвѣшъ, въ силѣ:
Пусть скажутъ на моей могилѣ:
Онъ былъ поэтъ и человекъ!

ТОМИМЫЙ СТРАСТЮ БЕЗНАДЕЖНОЙ.

Томимый спраспью безнадежной
Торквашю пѣлъ намъ про любовь,
Такъ обольстительно, такъ нѣжно, —
Но какъ въ пѣвцѣ пылала кровь,
Когда поскующій, бессонный,
Подъ пѣнью ночи благосклонной,
Онъ думой мѳцной созидаль
Армиду, садъ очарованій,
И нѣгу пламенныхъ лобзаній
Въ своихъ спихахъ передаваль...
Какъ сильно грудь его пѣснило!
Какъ онъ спрадалъ тогда! — Не разъ
Перо въ рукахъ его скользило,
И слезы падали изъ глазъ,
Онъ понималь свою ушрапу,
Но въ немъ не гаснулъ спраспи жаръ:
И какъ былъ скуденъ пѣсень даръ
Ему за гореспи въ ушрапу! ...

Какъ онъ , любовь мою шая ,
Веду безплодный вѣкъ уныло ,
Но не совсѣмъ несчастливъ я ,
Когда встрѣчаю образъ милой !
Къ ней томнымъ взоромъ обращень ,
Раздумью шихому я преданъ ,
И мыслю: эшопъ сладкій сонъ
Мнѣ бышь не можешъ заповѣданъ !
Но если смѣлою рукой ,
Топъ , кпо спяжалъ надъ нею право ,
Ее ласкаетъ предо мной
И улыбаешся лукаво ,
Тогда кровавою враждой ,
Какъ спаль кинжала , очи блещупъ ,
Иль смушно взоръ пошупленъ мой
И слезы шихія препещупъ ,
И въ эшопъ мигъ гошовъ я вдаль ,
Гошовъ на вѣчную разлуку :
Не то — любовь мою и муку
Изобличипъ моя печаль !

РАЗЛИВЪ ДНѢПРА.

Блнспашеленъ , роскошенъ и могучь
Весною Днѣпръ ; съ песчаниспаго ложа
Вспаепъ , и волнъ обиліе умножа
Попоками падущими изъ шучь ,
Онъ пѣнишь грудь , бѣжишь какъ изспуленный ,
И на лугахъ ложнпся упоженный . . . —

Быль древле вождь , доспойный слезъ и
спрунъ ,
Нашъ Свяпославъ , нашъ богъ на полъ брани ,
Сосѣда бичъ , неодолимъ и сонъ ,
Съ него онъ бралъ насильшвенный дани . —
Таковъ и Днѣпръ — онъ селы , роши рвенъ
И на хребтѣ шоржеспвенно несепъ .

Когда жъ въ поляхъ дохнутъ шепло и нѣга
Какъ небосклонъ безоблаченъ и живъ ,

Тогда Днѣпра блистательный разливъ
Дрожишь какъ грудь усналаго опъ бѣга,
И въ небеса лазурныя влюбленъ
Онъ силился обнять весь небосклонъ.

МЕЛОДІЯ.

(М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.)

Мѣсяць! другъ моихъ ночей,
Томный блескъ своихъ лучей
Для чего рассыпалъ ты
На могилы и креспы?
Пусть, чернѣе враньихъ крылъ,
Въешъ мгла окреситъ могилъ,
Чтобъ унылый видъ гробовъ,
Въ часъ какъ бодрспвуетъ любовь,
Не навелъ печальныхъ думъ
Двумъ любовникамъ на умъ!
Чтобы въ часъ, какъ, спражь нѣмой,
Льешь ты зыбкій пламень свой
На влюбленную чепу —
Сквозь ночную темноту
Не блеснулъ ся очамъ
Лучъ бродящій по креспамъ,

И креста нѣмой глаголь
Мысли грустной не навелъ ,
Что забвенья сонъ пройдетъ ,
Что попухнесть въ свой чередъ.
Сихъ живыхъ очей чеша ,
Что умрушь сіи уста ,
На кошорыхъ сей же часъ
Поцѣлуй горѣлъ и гасъ ,
Что и въ сердце, гдѣ одинъ
Милый образъ власпелинъ ,
Власпелинамъ наконецъ
Будесть червь — гробовъ жилецъ! . . .

Мѣсяцъ , мѣсяцъ отъ гробовъ
Скройся въ сумракъ облаковъ ,
Пусть во мглѣ споятъ кресты!
Но , любви свѣшало , шы
Полнымъ блескомъ озари
Ложа — нѣги алтари . . .
О! будь я пвонмъ лучемъ ,

Яркій въ сумракъ ночномъ ,
Я бѣ роскошно съ высоты
Паль на ложе красоты ,
По ланинамъ , по плечамъ ,
По раскинутымъ власамъ ,
Долго, долго бѣ я блуждалъ ,
На устахъ ея дрожалъ ,
И разсвѣша въ грустный часъ
На груди бѣ ея угасъ !

ОТВЕРЖЕНІЕ.

Обищель мира и свѣпныи ,
Была душа моя свѣпла ,
Пока любовь , какъ вихрь пустыни ,
Ее грозой не попрясла .

Гроза минула , я печаленъ
Гляжу рушищельницъ вслѣдъ ,
И озариль гряду развалинъ
Воспоминанья мерпвый свѣпъ .

Свершилось ! хладомъ опверженья
Я подавлю мои мечпы , —
Я самъ увядшіе цвѣпы
Накину саваномъ забвенья . . .

Такъ съ чувшвомъ скорби и любви
Мы шѣло друга провожаемъ ,
И съ шруднымъ мужешвомъ бросаемъ
На милый пепель горспъ земли ! . . .

Ж Е Л А Н І Е.

Мнѣ Богъ послалъ ее въ опраду,
Я къ ней младенчески привыкъ,
И прошивъ горесей ограду
Нашелъ я въ жизни — но на мигъ!
Теперь и мрачно и уныло
Печальный взоръ ее слѣдитъ:
Такъ умирающій глядитъ
На заходящее свѣпило.
Надежда гаснетъ, грудь моя
Упомлена сердечной бишвой,
И каждый день вспрѣчаю я
Одной, послѣднею молишвой:
Чшобъ спраспи пламенной, живой,
Хопъ искра въ грудь ея запала,
Чшобы влюбленною душой,
Она въ мечпахъ изнемогала,

Но другъ невѣрный не спѣшилъ
Къ ней на свиданье, въ день условной,
И за любовь ея плапилъ
Одной измѣной хладнокровной!

П О Э Т У .

Не смѣй себя именовать Поэтомъ ,
Не призывай благословеній музъ ,
Пока еще ты очарованъ свѣтомъ ,
Пока съ людьми не прерванъ твой союзъ ;
Хвалою ихъ и ласкою избалованъ ,
Ты дани имъ постыдныя несешь ,
И рабъ чужихъ спрасней припворно ты поешь ,
И чуждой прихотью твоей смѣлый умъ окованъ .
Но если харпсію свящую быпія
Ты развернулъ безпрепешной рукою ,
И не прельщенъ корысью и молвою ,
Намъ высказалъ всѣ тайны ея ,
Когда твое испыщенное око
Природы грудь проникнуло глубоко ,
И опдѣливъ себя волшебною черпой ,
Ты спалъ посредникомъ межъ нею и полпой .

Тогда молись богамъ! Иди на подвигъ славной,
Испоргни говоръ спрунь рукой самодержавной,
И вѣрь, пвой каждый звукъ могущеспвомъ своимъ
Какъ солнца жаркій лучъ землѣ необходимъ!

С О Н Е Т Ъ.

(Ю. И. ПОЗНАНСКОМУ НА ПЕРЕВОДЪ СОНЕТА:
DO LAURY).

Любовь онъ пѣлъ печалью вдохновенный,
И чуждыхъ словъ не понялъ я вполне,
И шолько былъ напѣвъ иноплеменный,
Какъ помный взоръ, какъ вздохъ поняшенъ мнѣ.

Но ты поспигъ душою умиленной,
Что звуковъ пѣхъ шайлось въ глубинѣ,
И скорбь души, спраданьемъ упомленной,
Опозвалась и на швоей спрунѣ.

И я внемлю поняпиному мнѣ звуку,
Какъ бы внималъ спрадальцу самому,
И я бѣ хопѣлъ съ учаспьемъ браша руку,

При встрѣчѣ съ нимъ хопъ разъ пожапъ
ему, —

Мнѣ попъ не чуждъ, кшо зналъ любовь и муку
И кшо ихъ пѣлъ по сердцу моему.

— —

ПЕРВЫЯ СЛЕЗЫ.

Пламеньѣла и блиспала
Мірозданія весна,
Землю юную ласкала
Дней безбурныхъ шишина.

Свѣшлымъ сонмомъ, звучнымъ хоромъ
Звѣзды яркія шекли,
И безплошныя соборомъ
Облепали кругъ земли.

Всюду жизнь и ликованья!
Звучень плескъ морей и рѣкъ —
Но одинъ среди созданья
Такъ и грушенъ человекъ!

Съ ихъ музыкой звонкой, спройной,
Гимна слишь не смѣешъ онъ,
Онъ въ минувшемъ безпокойной
Думой грушно погруженъ.

Все въ мечпахъ возобновилось:
Упро жизни, грѣхъ и казнь;
Сердце гореспно спѣснилось,
Въ сердцѣ пляжкая болзнь!

«Все погнбло, нѣтъ спасенья!
«Неизбѣженъ вѣчный сонъ!»
Вдругъ обѣшовъ искупленья
Озарнлся мыслью онъ,

Эпа мысль, какъ лучъ средъ ноцн,
Блескъ дала его очамъ,
Онъ возвелъ невольно очн
Благодарный къ небесамъ,

И, какъ въ опблескѣ денннцы,
Божья свѣпная роса,
Тнхо канула съ рѣсннцы
Умлненія слеза. . . .

Слезъ врачующую силу
Праощецъ благословнлъ,

И въ возмездье за могилу
Внука плакашь научилъ!

Съ той поры, когда украдкой
Слезы льюшся въ пишинъ,
Такъ опъ нихъ легко и сладко
Такъ врачуюшъ грусь онъ! . . .

А. М. М. — ОЙ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОВѢСТИ ДИВЪ И ПЕРИ)

Вашъ слухъ гармоніей изнѣженъ,
Къ пекущимъ понамъ онъ привыкъ,
Но проспѣ , незвученъ и небреженъ
Мой безъискусственный языкъ;
Не соберетъ народныхъ даней,
Какъ пѣснь поэшовъ , пѣснь моя,
Молва и шумъ рукоплесканій
Минушъ какъ чуждаго меня, —
Но если звукъ душъ послушный
Въ моемъ стихѣ найдете вы,
Что голосъ лепни равнодушный
И лепетъ въпренной молвы. . . .

Н О Ч Ъ.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Ныпъ на цѣломъ небосклонѣ,
Будпо саванъ, мгла окреспъ
На земномъ просперлась лонѣ.
Эпо часъ, какъ вопли совъ
Выкликаютъ мерпвецовъ;
Опверзаются могилы,
Тѣни блѣдныя вспаюпъ,
Ихъ пріемлютъ враньи крилы
И къ предашелямъ несупъ,
Чшобъ злодѣевъ и во снѣ
Вшайнѣ мучили онѣ.
Эпо часъ какъ бурной шучей
Въ молнѣяхъ вьешся гнѣвный Торъ,
Или Сильфъ звѣздой падучей
Пробъжитъ по скапу горъ, —
Сѣмя сновъ, онѣ на долины
Сыплешъ жаркіе рубины —

Зрѣешъ вмигъ его посѣвъ,
Сны вспаюпъ съ земнаго лона
И вѣнчаешъ спящихъ дѣвъ
Ихъ воздушная корона.
Эпо часть, какъ на хребешъ
Скаль, гдѣ вѣченъ снѣгъ нагорный
Сходяпъ царспвенныя Норны
На шоржеспивенный совѣпъ,
Гласъ ихъ въ споръ войдешъ съ громами,
Очи ихъ мрачнѣе мглы,
И дрожапъ подъ ихъ спопами
Неприспупныя скалы....

ЛЮБОВЬ ПОТУХЛА. . . .

Любовь потухла ; грудь поскуешъ
Въ душъ , какъ прежде пуспота ,
За то ее не очаруешъ
Любви ничпожная мечпа.
Какимъ - то пламеннымъ безумьемъ
Я былъ насильно увлеченъ —
Недугъ исчезнулъ — и раздумьемъ
Холодный умъ опягощенъ.
Предасься суешной надеждъ
Я слабымъ сердцемъ не хочу ,
За равнодушье , какъ прежде ,
Я равнодушьемъ плачу !

СМЕРТЬ НА ЧУЖБИНѢ.

Кого положили пушь въ землю сырую?
Надъ кѣмъ эпи вѣшви связали креспомъ?
Жилья пушь не видно, могилу другую
Очами далеко не вспрѣпишь кругомъ.
Здѣсь умеръ прохожій, не здѣшняго края
Двойной онъ окончилъ нечаянно пушь,
Ни кто не заплакалъ, но всѣмъ намъ родная
Земля и пришельцу отверзнула грудь.

Давно позабыли о бѣдномъ чужіе,
Межъ шѣмъ, какъ далеко, въ предѣлѣ иномъ,
Бышь можешъ подруга, друзья и родные
Ждушъ милаго госпя, ждушъ вѣспи о немъ—
Узнаюшъ когда-по — и слезы польюпся,
Но къ милому пеплу слеза не прильнешъ,
Къ могилѣ ихъ вздохи по вѣпру пошлюпся,
Но вѣпръ охладитъ ихъ, пока донесетъ.

Пусть спитъ одинокій! ему на чужбинѣ
Сонъ не былъ бы миренъ средь общихъ гробовъ,
Гдѣ сестры о братѣ, гдѣ маперь о сынѣ,
Гдѣ плачущя дѣти надъ прахомъ опцовъ.
Къ могилѣ жъ пуспынной семьею цвѣтущей
Фіалки пѣсняпся подъ пѣнью вѣшвей,
И райскую пѣсню о жизни грядущей
Надъ нею чпо вечеръ поешъ соловей.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Что въ сыромъ бору опъ солнышка
Снѣгъ злапой росой разсыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами свѣплыми;
Въ зимній холодъ любо солнышко,
На чужихъ людяхъ родной напѣвъ,
По неволѣ сердце всплечется,
Какъ съ репивымъ сиропинушкой,
Пѣсня русская, унылая,
Что родная мать перемолвится.
Задушевной не наслушались!
Словно пшашка, что въ раю поептъ,
Заунывно сладкимъ голосомъ,
Грусть-шоску она баюкаетъ;
Не видашь сквозь слезъ чужой земли,
А что думушка ль сердечная,
Понесется невидимкою,

За синё море въ свящую Русь! . . .
По былому по спаринному
Добрый молодецъ въ родной землѣ,
Въ ноги палъ ошцу и мапери,
Съ спарымъ другомъ поздоровался,
А чпо дѣвица - красавица
Въ поропахъ бѣжишь изъ перема,
Зарумянившись какъ маковъ цвѣшь,
Радоспъ высказапъ и слова нѣшь,
Только съ милымъ обнимаешся,
Да сквозь слезы улыбаешся.

О Д Е С С А.

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ОДЕССКОМУ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ А. И. ЛЕВШИНУ.

Опъ семьи родной далеко,
Гдѣ глухая степь легла,
Мать Россіа одинока
Дочь меньшую родила.

И среди тройной пустыни
Моря, неба и степей,
Славно сказочной дѣпинь,
Цвѣспь и жипь dospалось ей.

Кто же юную лелѣспь?
Не опъ солнца ль Юга шамь
И расшеспь она и зрѣспь
Не по днямъ, а по часамъ?

Нъспь! не южное свѣщило,
Но какъ спаршихъ братьевъ вспарь,

Дочь полудня осѣнило
Солнце Сѣвера нашъ Царь!

Онъ любви своей лучами
Молодую осыпалъ ,
Онъ испытанныхъ шрудами
Добрыхъ пѣсшунувъ ей далъ.

Вопшъ она подъ ихъ покровомъ
Подъ вліяньемъ ихъ шруда,
Съ каждымъ годомъ въ блескѣ новомъ ,
Силы свѣжесшью горда.

Край собой одушевила ,
Мершвой шпепи жизнь дала ,
Незнакомыя вѣшприла
Издамеча привлекла.

И онъ запада на брашпшво
Приняла она залогъ ,
И даря свое богашпшво ,
Поклонился ей Воспокъ.

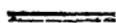
Иноземкою красивой
Нарядилася она,
Но въ груди молодой, спѣсивой
Чувству родины вѣрна.

И полна благоговѣньемъ
Къ покровишелямъ своимъ,
Предлагаетъ съ умиленьемъ
Свой заздравный кубокъ имъ.

ВОЛШЕБНИЦА.

Цвѣшетъ она розой, лепишъ мопылькомъ, —
Въ дубровахъ, въ долинахъ поешъ соловьемъ, —
Могучей пяпой колеблешъ гранишъ,
И брызгами въ пропасть съ упеса лепишъ.
Изъ сновъ разливаешъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуешъ печальную спешъ,
Сливаешъ свой голосъ съ напѣвомъ духовъ,
И радугой блещешъ въ дыму облаковъ,
Надъ бездной воздушный черпогъ создаешъ,
Къ ночлегу прохожихъ лукаво зовешъ,
Когда жъ легковѣрный приближися къ ней,
Обманушый блескомъ невѣрныхъ лучей,
Волшебница пропасть разверзнетъ жезломъ
И съ хохотомъ понешъ въ шуманъ ночномъ! ..

МЕЛОДІЯ.



I.

Ночи ризою обвишь,
Духъ невидимый паришь,
Но незримаго владыки
Море чуешь перелешь,
И привѣшпвуюнъ музыкой
Духа бури духи водъ.

II.

Духъ! возьми меня съ собой!
Какъ ни скованъ я съ землей,
Но сорвешь шы эти цѣпи —
Ты же валншь боръ къ спопамъ
И по прихоши полстепи
Мечешь пылью къ небесамъ!

III.

О куда бъ шы ни лешълъ,
Въ дружнй, въ чуждый ли предълъ,

Обхвати меня крылами,
Молній блескомъ окружи,
И побѣдными громами
Вопли сердца заглуши!

IV.

Брось въ кипящую спрую
Душу мершвую мою,
Думой бурь своихъ достойной
Озари ее въ громахъ,
Дай ей пламень спроси знойной,
Иль сожги въ своихъ лучахъ!

Ж И З Н Ъ.

Наперсница созданія Шекспира
Симфонія къ волшебству клонитъ умъ,
И за рубежъ существеннаго міра
Тебя влечетъ заранъ звуковъ шумъ.
Твѣснился грудь, швое дыханье знойно
Чего шо ждешъ ревниво, безпокойно...
Вдругъ занавѣсъ шрепещетъ и лешитъ
И чудный міръ поржесшвенно опкрытъ!

У береговъ шума валы играють,
Вдоль спелелся волнисная шрава,
Тамъ свѣжихъ розъ куспы благоухають,
Прохладою памъ вѣють деревья,
И за моремъ въ сіяніи закаша
Съ волнами слипъ прозрачный небосклонъ...
Искусшва жизнь спройна, полна, богаша
И мершвыи міръ въ живой преображенъ.

Вошь и она, созданія корона,
Вошь во плоши Шекспирова мечпа —
Офелія, Миранда, Дездемона
Изъ царства думъ живая красота;
Въ ея ухахъ поминельные звуки
Ты предаешь невольно душу ей,
Въ шебъ кипяшь ея воспоргъ и мѹки,
И не живешь ты жизнью своей.

Вокругъ нее любви ли вьющая греза,
Съ ней шаешь ты въ стремительномъ огнѣ,
Въ очахъ блеснушь опчаяннѣ слезы —
Ты чувствуешь, какъ сердце жгушь онѣ...
Но если вдругъ Офелія - Лапса
Кому нибудь условный бросишь взглядъ,
И ты поймешь, что очи говоряшь,
Кумиръ разбишь, передъ тобой — Акприса!

И гибнешь все съ основою мечпы,
Какъ молнѣя и жжешь и разрушаешь

Развраща взглядъ личину чистоты,
И голосъ чувствъ приговорныхъ оскорбляетъ!
Взволнуютъ грудь досада, злость и грусть,
Твоей души участие заглушаютъ,
Когда уста нечестныя шепчутъ
Воспоргъ, любовь и муки наизусть...

И гдѣ же мѣръ волшебствами обильный?
Гдѣ эпохъ мѣръ божественно-живой?
Онъ въ рядъ кулисъ безжизненный и пыльный
Преображень блѣднѣетъ предъ шобой!
И руша самъ въ конецъ очарованье,
Чтобы души утрату облегчить,
Ты силиться художника созданье
Насмѣшкою холодною убишь!

СТАНСЫ.

Цѣною пѣжкой даръ прозрѣнья
Избранникъ Божій покупалъ,
Когда онъ крѣпосью перпѣнья
Силь чловѣка выше спалъ.

Алмазный обручъ діадимы
Владыка плашишь пѣжело:
Подъ ней вѣнецъ, полпѣ незримый,
Терзаешъ перніемъ чело.

Царю подобенъ и пророку
Высокимъ жребіемъ пѣвецъ,
На немъ горитъ незримый оку
Въ лучахъ и перніяхъ вѣнецъ.

Его душа шомясь и ноя,
Волненья вѣчнаго полна,
Другимъ привычнаго покоя
Почпи не вѣдаешъ она.

И часпо скрыпной, знойной муки
Чрезъ мѣру льется полноча,
Когда въ душѣ пѣсняшся звуки,
А вшорить немощны успа...

Но эшихъ пягосныхъ мгновений
Да молишь мой усердный спихъ:
Залогъ грядущихъ вдохновеній
Бышь можешъ вшайнѣ зрѣешъ въ нихъ.

Смущенныхъ чувствъ минуешъ препенъ,
Слова какъ волны хлынутъ вдругъ:
И будешъ шо не дѣпскій лепенъ,
Но возмужалый, спройный звукъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

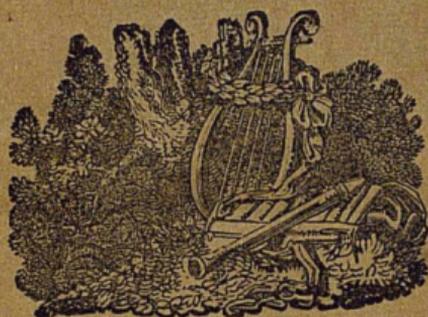
	<i>Стран.</i>
Дивъ и Пери	1.
Борскій . . .	47.
Нищій	. 133.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣвичь - гора	1.
Отчужденный .	21.
Предвѣщаніе	39.
Гурія	51.
Дума	61.
Сиротка . . .	75.
Поэзія и жизнь	87.
Невѣста	95.
На развалинахъ Десятинной церкви	99.
Спранники 100.
Противуположности	. 102.
Мелодія .	. 104.
Бываетъ грусть	. 107.
Сонетъ 110.
Прощальные Стансы	. 111.
Къ Х. Х. Х.	. 113.
Отвѣтъ	. 114.
Вечеръ.	115.
Сонетъ	. 117.
Поршретъ .	. 118.
Мелодія	. 119.

II

Гетій .	. 121.
Петербургскимъ поварицамъ	. 122.
Цвѣты любви .	. 124.
Мелодія .	. 127.
Упомленіе	. 128.
Безнадежность .	. 131.
Предчувствіе	. 133.
Фирдуси	. 134.
Сонетъ	. 136.
Жребій .	. 137.
Томимый спрастью безнадежной .	. 138.
Разливъ Днѣпра .	. 140.
Мелодія .	. 142.
Ошверженіе	. 145.
Желаніе	. 146.
Поэту .	. 148.
Сонетъ .	. 150.
Первыя слезы	. 152.
А. М. М. — ой. .	. 155.
Ночь . .	. 156.
Любовь поухла...	. 158.
Смерть на чужбинѣ	. 159.
Русская пѣсня	. 161.
Одесса .	. 163.
Волшебница .	. 166.
Мелодія	. 167.
Жизнь .	. 169.
Стансы	. 172.



Цѣна за дѣль части 10 руб. Ассигн.